

Михаил Васильев
ИСКАТЕЛИ

Михаил Васильев

Искатели

«Издательские решения»

Васильев М.

Искатели / М. Васильев — «Издательские решения»,

Это фантастическая сказка для молодежи, в основном студенческой. Герою произведения профессору Кенту его предок триста лет назад завещал рукопись, где указал путь к сокровищам древних индейцев Центральной Америки. Этим заинтересовались не только студенты, которые стали ему помогать, но и охваченные алчностью враги.

© Васильев М.

© Издательские решения

Содержание

Приключения на Земле. В Петербурге	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Искатели

Михаил Васильев

© Михаил Васильев, 2016

© В. Г. Бритвин, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приключения на Земле. В Петербурге

В этом большом и необычно высоком кабинете было сумрачно от темных дубовых панелей и обилия такой же мореной временем мебели. Этим летним утром солнечные лучи исчезали здесь, в дубовом викторианском полумраке. Хозяин кабинета профессор Кент сидел за столом рядом с недействующим сейчас камином.

«Системное решение вопроса о статусе археологии, как науки...» – написал он и остановился, будто перестал понимать, о чем пишет.

«Лет двести, а может триста решают, и всё решить не могут, – подумал он. – Вот теперь и я взялся». Профессор Кент был моложавый или просто еще молодой человек, похожий непонятно на какого актера из старинного кино. С коротким кривым носом и правильным породистым лицом, из тех, которые нравятся женщинам.

Сейчас здесь ничего не двигалось, не шевелилось, и стояла полная тишина. Только едва слышно скрипнуло кресло. Наследственное почти кресло декана Археологического факультета Петербургского университета, деревянное, жесткое, с высокой резной спинкой. Где-то хрипло зашипели и стали бить часы, неторопливо, будто время тут текло по-особому медленно.

Здесь и думать хотелось как-то неспешно, в старинном духе, и на этой бумаге уместнее было бы начать не доклад к ученому совету, а, например, роман в стиле какого-нибудь классика девятнадцатого, допустим, века. Профессор даже увидел первые слова:

«Не хотелось бы утруждать читателя подробностями моих приключений, но возможно кому-то покажется небезынтересным мое бесхитрое повествование»...

Всего этого он писать не стал, замер, слушая последние удары часов и глядя на лист бумаги перед собой. Может быть, задумался над продолжением романа.

Зазвенел медный колокольчик, одновременно в дверь постучали. Она приоткрылась, в щель смотрели чьи-то бойкие глаза.

– Можно, Платон Сократович?

Сначала появилась девичья голова: хорошенькое курносое личико и ярко-рыжие волосы. Потом – девушка полностью, модного сейчас высокого роста, почему-то в кожаном обтягивающем костюме. К груди она прижимала зачетную книжку.

Было заметно, что эта студентка впервые попала сюда. Задрав голову, она смотрела на далекий потолок с дубовыми балками, где его будто поддерживала целая стена из книг. Непонятно было, как можно достать книги там, наверху. Оглядываясь вокруг себя, не удержалась и повернулась на одной ножке; было заметно, что она не умеет сдерживать эмоции и энергию, переполняющие ее изнутри.

Ее длинные волосы, лежащие на спине, были тщательно расчесаны, как это принято у девушек перед сдачей ответственного зачета. В сумрачном кабинете они выглядели еще ярче. Черный кожаный костюм с молнией на спине оказался, скорее, комбинезоном.

Профессор Кент, откинувшись на спинку своего неудобного кресла, молча наблюдал за ней.

Комбинезон до самого возможного в природе предела обтягивал выгнувшуюся перед книжными стеллажами высокую, далеко за метр восемьдесят, фигуру девушки. Она как будто ни от кого не собиралась скрывать свою выпуклую грудь и довольно мощные бедра. Тонкая, плоская почти талия посередине делала ее похожей на черную осу. Все это выглядело чужеродным в этом интерьере, и сам интерьер, и кабинет становились какими-то неуместными, ненастоящими.

– Неужели все это возможно прочесть?

– Желательно. А вы... – Кент посмотрел в ведомость на столе. – Вы, Диана Викторовна, я извиняюсь, вижу, сегодня в таком... Блестящем виде.

– Ой, Платон Сократович, я сегодня на байке приехала... – бойко заговорила студентка. – Отсюда – комбез. А если вы про волосы... Они настоящие. Об этом все спрашивают. Рыжих в наше время не осталось, только я одна. Невероятный в этом сезоне цвет.

– Байк – это ведь мотоцикл? Железный такой?

– Ну да. И мотоцикл такой тоже когда-то был, – неопределенно ответила студентка Диана.

Профессор Кент глядел в лицо сидящей напротив девушки с ярко-зелеными глазами, с какой-то лукавой радостью на дне.

«Как это называется? Чертовщинкой».

Немного крупный рот с пухлыми, слегка вывернутыми губами.

«Женщины всегда играют какую-то роль, а такие чувственные губы, наверное, иногда играть мешают. Создавать какой-то там образ».

Но эту девушку сейчас, вроде бы, совсем не заботили такие трудности. Она сидела с видом прилежной первоклассницы, сложив руки на дубовой столешнице.

– Интересно, а вот вы, Диана, к нам в археологию с какой целью? – начал профессор.

– Ну как, Платон Сократович!.. Археология – это ведь интересно. Как будто вы не знаете. Я вообще всякие приключения люблю. Раскапывать все, искать города, клады, разные сокровища. Я обязательно какие-нибудь сокровища найду. Как этот... Ну, который золото нашел.

– Шлимана имеете в виду? А я как раз о нем вас собирался спрашивать.

– А я знаю – сокровище Приама. А вообще-то я сначала даже на богословский факультет хотела поступить, на миссионерское отделение, – бойко продолжала студентка. – Чтобы новые места, путешествия, необычные народы. Только там, оказывается, молитв много надо учить. А мне скучно. Фу, не люблю!

– Молиться необходимо, – наставительно произнес профессор. – А вообще, мечты не имеют такой особенности – сбываться. Вы еще не знаете об этом. Вот вам сколько лет?

«А я уже возраст Христа разменял, – подумал он. – Почти старик... Так и досижу в этом кресле до естественного конца».

Непонятно что вызвало такие мысли.

– Нас, археологов, интересуют ни сокровища, а совсем другое, – произнес он. – Наши клады – черепки и кости. Открываем то, что давно было кому-то известно. Все, что нам интересно – это разглядывать прошлое. Странные, в сущности, люди. А Шлиман, между нами, – не настоящий археолог, а как раз искатель сокровищ, удачливый дилетант.

Профессор Кент чувствовал, что говорит скучно и вообще не то. Ему будто не нравились собственные слова.

– А мы, археологи, верим в то, что золото приносит неудачу, – продолжал он. – Тем, кто его находит. Есть у нас такая примета. К счастью, найти его совсем не просто и даже почти невозможно. В общем, один шанс на миллион. Сколько нас, археологов, и все копаем, копаем. Каждый сезон. И никаких сокровищ. В общем, нам с вами такого, как у Шлимана, никогда не найти.

Лицо девушки напротив было как открытая книга. И по нему видно, что она не верит ни единому профессорскому слову.

– Вот такая жизнь у нас, археологов, – закончил, наконец, профессор Кент. – Такие мы.

– Нет, у меня будет другая, – с неуместной сейчас решительностью возразила Диана и упрямо потрянула огненными волосами.

– Лучше в следующий раз подготовьте мне ответ по берестяным грамотам. – Профессор старательно отводил глаза от выпуклой груди студентки. Она явно заметила это, и было видно, что это ей нравится.

– Ну как же не найти, Платон Сократович, – заговорила она. – Вы же должны были слышать: со вчерашнего вечера только и твердят об этом. О рукописи вашего прадеда, что ли, лорда Чарльза Кента. Говорят, что он еще в девятнадцатом веке завещал бумаги, а в них карта

сокровищ индейцев каких-то. И сегодня с утра: и в газете, и в интернете... Триста лет завещанию лорда Чарльза. Неужели не слышали? Или забыли?

«Забыл, – подумал он. – Всю жизнь помнил, а именно сейчас забыл, когда настал этот День. Неужели вот он – сегодня? А впрочем, может и правильно забыл – что такое он мог мне завещать – какие-то нелепые бумаги? Наверное, чудак был мой предок».

Когда-то, оказывается, ровно триста лет назад, прадед профессора Кента, великий археолог лорд Чарльз Кент, исследователь культуры народов Центральной Америки, завещал своему далекому потомку документы будто бы какой-то необыкновенной величайшей важности. Почему-то именно потомку, который должен получить их именно через триста лет. Лорд говорил, что в них указан путь к великим сокровищам майя и их тайным знаниям. Говорил даже, что эти древние знания перевернут все в человеческом мире, всю человеческую цивилизацию.

«В общем, много чего обещал», – подумал профессор.

Все это долгое время документы эти хранились в надежнейших банках Лондона, а потом – Петербурга. И вот!..

– В газетах писали, – все не умолкала студентка, – лорд Чарльз про горы этого золота говорил. Золотые горы. А в банке карта – где золото искать и именно сегодня ее и отдадут. Так интересно! А вы такое говорите... Берестяные грамоты.

– Газеты-интернет. – Профессор о чем-то задумался. – Вы не знаете, девушка, современные приборы позволяют такое... Всю нашу Землю прощупали полностью, со дна морей последнее достают. Хорошо, если где-то ненайденного золота до килограмма осталось. Кончилось все золото на Земле. И кладов давно нет. Вы на каком курсе?

– На втором. Перешла. – Диана с надеждой пододвинула к нему зачетку.

– К вопросам-ответам мы так и не приступили, и я вижу, что нет смысла. А еще добавлю. В жизни никаких приключений не бывает. А то, что вы, видимо, имеете в виду под приключениями – дело трудное и скучное. Сталкивался.

Девушка, не скрывая недоверия, хмыкнула:

– Трудности – это ерунда.

Мгновенное огорчение в зеленых глазах уже сменилось на обычную, видимо, безмятежность:

– Ну и ладно!.. Потом сдам. Мне надо ехать – я с подругой договорилась по маркетам проехать.

– Понятно. Не над учебниками же сидеть.

– Ой, Платон Сократович, а можно я прямо в окно?

Профессор пожал плечами:

– Ну, почему же нет. Пожалуйста, если торопитесь.

Диана двинулась к окну, почему-то осторожно наступая на малиновый с неестественно длинным ворсом ковер на полу, будто не замечая, что он ненастоящий, виртуальный. Иллюзия, наведенная специальной аппаратурой. По правде говоря, все это вокруг было только стилизацией под английскую викторианскую эпоху, и балки на потолке не из дуба, а просто пластик. Звуки колокольчика и часов – тоже электронный муляж, и книги не настоящие, не кожаные и вообще не книги, а имитация – стена из того же пластика.

Окно, к которому они подходили, автоматически открылось, псевдодубовая рама поднялась вверх. И будто кончился девятнадцатый век. В открытое окно пахнуло теплом. За ним был век двадцать второй. Мир другого цвета: не темно-коричневый, как по эту сторону, а цветной, пестрый. Полупрозрачные пластиковые флаеры, словно цветные пузыри, будто бы неторопливо ползли по земле и по воздуху. Опытные городские прохожие бесстрашно сновали между ними. Люди, полулюди и не люди вообще плавно плыли в воздухе, поднимались и опускались, как листья осенью, поддерживаемые гравитаторами. Шум, издаваемый транспортом, был негромким: гудение, потрескивание, звяканье, но все это сливалось в один плотный фон.

Под окном стояло что-то инородное здесь, из блестящего железа, на мощных каучуковых шинах.

– Это и есть ваш монстр? – Профессор Кент заглянул за окно.

– Он. – Девушка поставила длинную сильную ногу на подоконник и опять, будто на прощание, выгнулась. Проступила сквозь блестящую кожу всем телом, через плечо с любопытством наблюдая за профессорской реакцией, потом легко вскочила на подоконник.

– А клад я все-таки найду. Скоро. До скорого свидания, профессор! – И прыгнула – быстро, почти не удерживаемая гравитатором, спланировала прямо в седло своей машины.

Словно преобразилась, приникла к этому железному зверю. Тот взревел, поднялся на задние колеса, пытаясь сбросить наездницу, и рванулся вперед. Остался только необычный и непривычный запах бензина. Мощный, наглый даже, рев заполнил узкий и древний петербургский переулок. Разноцветные флаеры, как мыльная пена, разлетелись перед байком. Его звук стремительно унесся куда-то далеко.

«Вот так и по магазинам ездит? – Непонятно о чем задумавшись, он возвращался к столу. Оказывается, девушка так и забыла на нем свою зачетку. Профессор положил ее в карман.

В воздушном такси сидели двое. Первый пассажир был практически обычным: крепким, по-спортивному коротко стриженным, с грубоватым красным, квадратным почти лицом. Больше об этом лице, вроде, сказать нечего. Зато второй таким огромным и могучим, что сидел сразу в двух креслах. И вообще не был человеком. Был гуманоидом, похожим на очень крупную серокожую гориллу. В отличие от настоящей гориллы, совсем безволосым. Даже его череп, крепкий и блестящий, был голым, и еще посреди круглого необъятного лица этого существа торчал хоботок – там, где у земных существ нос.

Короткие ножки здорового гуманоида по-детски болтались и не доставали до прозрачного пола флаера. Зато единственная одежда на нем – полосатые шорты почти достигали кроссовок пятидесятого размера.

– Вот так, Конг, – рассказывал что-то стриженный парень, глядя в окно, вниз, на освещенную солнцем воду Финского залива. – Такие отважные люди были в старину, без всякой гравитации с высоты прыгали. А мы что, хуже?

– Ну, если с крыши сарая в деревне прыгнуть... – Вмешался робот-водитель. Было заметно, что его динамики испорчены в перебранках с пассажирами. Таксист засмеялся, его смех перешел в вой и свист.

– Да не с крыши, а с двух, даже трех километров.

– Ну да, – засомневался таксист. – Дудишь!

– Вот именно! Прыгали. С парашютом, был такой в древние годы. И серьезный спорт был, свои рекорды, свои чемпионы. Жгли, такие дела включали. Вы-то про это не знаете, а я сейчас на физфаке аспирантом, – продолжал парень. – Думаю древний спорт возрождать. Реальная маза. Изучаю, недавно открыл, что даже вроде бы можно сначала парашют не раскрывать, так падать. Вообще, такие смешные раньше виды спорта были. Прыжки с шестом, синхронное плавание. Метание молотка.

– Падать! – авторитетным тоном просипел таксист. – Будто ты знаешь, как падают, пельмень! Ты у нас в таксопарке спроси...

– Мы в детстве в прыгалки играли, – сказал аспирант, теперь обращаясь к своему другу-гуманоиду. – Так эту игру прозвали – из такого флаера в воду и прыгали.

– А-то давай, Ахилл, на слабо! – предложил гуманоид Конг. Оказывается, этого стриженного аспиранта звали Ахилл. – Или в стрём?

Таксист сипло хмыкнул.

– С такой высоты? – Ахилл ненадолго засомневался. – Ну, это уже мой личный рекорд будет. В детстве с такой высоты точно прыгать не приходилось.

– Вообще-то, до берега далеко, – тоже заколебался Конг. – Вдруг не доплывем?
– Ничего, поплаваем и другое такси вызовем, – Ахилл высунул голову в иллюминатор. Ветер уносил его слова. – Хотя тебе может и нельзя: слишком тяжел ты.
– Вы чего, шизоиды завернутые? – опять хрипел своим испорченным динамиком водитель. – Совсем съехали? А ну, давай прекращай в казенной машине!..
Но Ахилл уже открыл дверь и стоял в проеме. Еще секунда и вот теперь не стоял – никого не было. Конг, на мгновение замерев, ухнул туда же.
– Ах, вы... – Вслед раздались ругательства, сейчас неразборчивые.

Двое друзей уже сидели за столом летнего кафе. В эти теплые летние дни столики и кресла вынесли на улицу, на тротуар. Сверху их прикрывала яркая, волнистая с краю ткань. Никто здесь не знал, что когда-то она называлась маркиза. Солнечный свет, проникающий сквозь нее, освещал все внутри розовым светом.

Конг болтал своим слоновым хоботком в большом стакане с кактусовым соком, хлюпал и пускал пузыри.

– В следующий раз можно и повыше подняться и с парашютами спрыгнуть, – продолжал давно начатый разговор Ахилл, пытаясь расчесывать свои совсем короткие мокрые волосы. – С ними и на твердую землю прыгать можно. Я уже парашюты почти полностью изучил. Впиливаю. Сегодня, попозже, и закажем их в мастерской – долго что ли. А потом я у себя на факультете эту мазу продвину. Все по солидняку выйдет. Нормально будет.

Где-то раздавался мотоциклетный грохот, приближаясь, он затихал. Вот смолк, к кафе подкатила на своем байке Диана, остановилась вплотную к поребрику.

– Дианка! – Узнал ее первым Ахилл. – Все гоняешь, всадник без головы?
– Привет, клубни! – Она сняла шлем, поправила рассыпавшиеся волосы. – Степашку пропиваете? Твою, Ахилл, большую, аспирантскую?
– Да нет, Диана, – заговорил Конг со своим необычным немного гнусавым акцентом, который Диана называла «трубным». – Это мне из деревни дэцл лавья заслали. Ну как, скинула зачет?

– Нет, – с легкомысленной беззаботностью ответила та. – Завяла.
– Эх, выплюнут тебя из университета, – с сожалением произнес Ахилл.
– Ладно тебе, заучка, сдам когда-нибудь. Я гляжу, вы искупались. – Диана заметила еще влажные волосы Ахилла. – Тоже, видно, не загоняетесь: и ты, и Кинг-Конг.
– Ну да, искупались, – сказал Ахилл. – Минут десять назад. И уже минут пять здесь сидим. Двадцать второй век – темпы, расстояний сейчас не существует.

– Какой я Кинг, – отозвался следом гуманоид. – У нас в деревне только один кинг, король, то есть. Кстати, ботинок мой, батя. А я, типа, принц. – Он скромно потупил глаза, глядя в свой стакан. – Просто Конг. Конгов у нас много. Распространенное погонялово... А что, профессор Кент, говорят, известный звероящер, упырь лихой? – спросил Конг. – Про него черная слава по университету идет – столько народу на экзаменах порезал. Горы трупов.

– Ничего и не порезал... Адекватный препод. Вполне себе мужичок.
– Никак шибко лавнул старбон? – заметил Ахилл. – Смотри.
Диана только возмущенно фыркнула.

– Ну что стоишь? – Повелительно кивнула она роботу-официанту, похожему на ярко раскрашенный столбик с круглой головой и большими жестяными ушами. Тот ожил и, изобразив на лице-мониторе широкую улыбку, подъехал. Диана кинула в щель на его животе монетку. Робот, исполнив короткий ликующий туш, покатился выполнять заказ.

Ненадолго все замолчали. Как всегда у молодежи что-то попискивало, квакало, раздавались даже внезапные обрывки мелодий. Все это доносилось из каких-то многочисленных телефонов, плееров, всяких модных приборчиков. Даже пуговицы у Дианы вспыхивали и мигали.

Она была уже в легком костюме из искусственного велюра, красном, цвета дымного пламени, наверное, только что купленном. Все помолчали, попискивая и посвистывая.

– Ну что, Диана, – заговорил, наконец, Ахилл, – какая-нибудь новая авантюра есть на примете?

– Посмотрим, – неопределенно ответила она.

– А что, – предложил Конг. – Приходи вечером в Английский клуб на моталку. На тискотеку. Друганок возьми, поклубимся. Или теперь над учебниками заботанеешь?

– Нашел дрыгу, – насмешливо отозвалась Диана. Теперь она, как в кресле, сидела поперек сиденья своего байка, вытянув и скрестив длинные ноги. Грызла мороженое, эскимо «Ленинградское» на пластмассовой палочке. – По тискотекам окисляешься? А сам говорил, на твоей планете, в деревне у тебя жена осталась. Скучает, наверное?

– Одна вайфа есть. Только эта скучать не будет. Зажигает, тусуется, наверное, сейчас в полную. А у нас, кстати, полигамия. То есть это... как его? Многоженство.

– Фу, дураки, – возмутилась Диана.

– А что, – Конг смущенно засунул кончик хобота в рот. – Я некоторым земным девчонкам нравлюсь. Вот как закончу универ, обязательно отсюда еще одну дополнительную вайфу прихвачу. А потом в деревне на всех ватрушках сразу женюсь, никому не оставлю.

– Поступи сначала, – заметил Ахилл.

– Это я обязательно. Чувствую, что поступлю. Носом просекаю. Я им всегда все заранее просекаю. Только тебе, Дианка, нечего бояться, – все также смущенно продолжил он. – Я анфисок меньше девяноста килограммов весом не признаю. Таких здесь, в университете нет.

– Точно нет, – мстительно добавила Диана. – Таких дунек на нашей моталке не найдешь. Можешь и не искать.

– А жена у меня классная, – все еще продолжал Конг. – Сексотная такая симпатючка. Только худенькая очень, до восьмидесяти килограммов не дотягивает, хрупкая девушка...

– Ага, – не дала ему договорить Диана. – То-то ты к нашим земным девчонкам прифакиваешься.

Она насмешливо глядела на двоих друзей. Доедала мороженое и раскачивалась на сиденье с вытянутыми ногами:

– Ой, красавцы, оттяжники, блин!

Конг сконфуженно, громко хлопнув, втянул остатки своей кактусовки:

– Ладно, у нас все равно времени нет. Надо еще парашюты заказать в какой-нибудь мастерской одежной, или как она у вас здесь называется.

– Парашюты? – заинтересовалась Диана. – А что это такое? Я тоже хочу.

По василеостровской улице шли двое. Один, высокий, массивный и пузатый, тащил какой-то железный ящик. Другой, маленький, худой, с сухим сморщенным лицом, хуже того, нес архаичный автомат, повесив его на плечо.

В этом переполненном, насыщенном всяким необычным народом мире уже давно невозможно было никого удивить странной одеждой – такой, как на этих двоих и даже их автоматом, архаичным гангстерским «Томсоном» с большим плоским диском и ручкой спереди, под стволом. Особенно подобным был славен Университетский городок, такое неофициальное название получила эта часть Васильевского острова.

Толстый еле нес свой ящик, оказавшийся каким-то массивным прибором. Его криво прикрывал еле держащийся металлический корпус с торчащими отовсюду проводами. Иногда, выбившись из сил, толстый со скрежетом волок это сооружение по тротуару. Какая-то деталь отвалилась и покатила назад. Маленький догнал ее, поймал и, повертев в руках, отбросил в сторону.

– Ну, это, можно сказать, нулевая туфта. Можно обойтись.

Толстый поставил ящик, чтобы отдохнуть и теперь сразу обеими руками вытирал пот со лба. Маленький ткнул в сторону этого ящика пальцем:

– Всю ночь эту байдю изобретал. Вот сейчас полевое испытание и проведем. Такой умный прибор получился – на расстоянии золото просекает. Вот пульт только наставить и нажать. – Он показал маленький пульт от детской игрушки с дистанционным управлением. – На, неси! Шеф говорил, один мужик здесь золото тащить будет. Зажалим его из автомата и всё у него отберем. И все дела.

Толстый тут же нацелился пультом в прохожего на другой стороне улицы.

– Да нет, не в этого. Того возле банка надо подстеречь. Шеф говорит, он, вроде, с мешком золота выйдет, ну а мы его накроем. Должны. Запомни, мы теперь гангстеры с тобой. Ты Томсон, а я Джеррисон. Или наоборот? – Маленький задумался.

– Чижолый, черт, – пожаловался опять волочивший ящик Томсон. – И зачем такой большой придумал?

– Тащи, приятель! Мой автомат тоже тяжелый.

На боковой улице они увидели летнее кафе за шпалерами розовых кустов – явно иллюзорных, виртуальных, растущих, будто прямо из тротуара. Рядом на мостовой высокая девушка по-детски раскачивалась на сиденье какого-то массивного зверовидного мотоцикла.

– Зайдем, – приказал маленький. – Приятель! Надо промочить горло. Таковы правила игры. Агрегат здесь оставим – вряд ли найдутся желающие его куда-то далеко нести.

Трое друзей увидели, как в кафе, не обращая внимания на розовые кусты, прямо сквозь них, вошли некие толстый и тонкий. Оба в широкополых шляпах-броссалино, полосатых двубортных костюмах, оба с сигарами – кажется, незажженными. В общем, американские гангстеры из каких-то там годов. Чудак поменьше, сев за стол, положил на него ноги и с грохотом бросил туда же какую-то непонятную остальным железку. Другой недоуменно посмотрел на него и тоже положил ноги на свой стол.

– Эй, гарсон! – гаркнул он.

– Бой, – подсказал Джеррисон.

– Ну да. Бой! – не смутившись, заорал Томсон, будто не замечая стоящего рядом официанта.

Молодые люди молча наблюдали за ними. Конг теперь жевал гигантский бутерброд с искусственным бескалорийным жиром, пучил глаза, равнодушно глядя на откуда-то взявшихся гангстеров.

Робот-официант повернулся на месте на своих круглых роликах-ножках. Электронная улыбка расплылась, остановившись у жестяных ушей.

– Двойной бурбон давай, – потребовал Джеррисон. – Старый добрый. Без содовой. Бекон с бобами. Пудинг какой-нибудь. Лучший ништяк в твоей капельнице. В общем, сам обязан соображать, чем должны закусывать два таких джентльмена, как мы.

Улыбка исчезла, робот весь недоуменно замигал лампочками:

– У нас студенческое кафе. Из алкоголесодержащего только шампанское и еще коньяк.

– Ну, коньяк! Два граненых, самых больших.

В глазах официанта замигали цифры и каждая цифра с вопросительным знаком:

– Если расплатитесь. Расплатиться есть чем?

– Есть! – Джеррисон похлопал лежащий на столе автомат по кривому прикладу. – Знакомьтесь все, тезка моего приятеля. – Он обвел глазами всех, находящихся здесь.

– И живет, ты, цветной! – гаркнул, замолчавший было, Томсон. – Выскребай, а то сияешь тут, как новогодняя елка.

– Очень хорошо! Заказ будет выполнен в срок, – отозвался робот и, включив веселую музыку, покатился на кухню.

– Двигай копытами, а то сейчас пинка поймаешь! – Довольный собой Томсон захохотал – так, что сигара чуть не провалилась в разинутый рот.

Появившийся коньяк, два больших стакана для коктейлей, гангстеры проглотили разом, игнорируя закусу.

Официант, ожидая, стоял рядом. Иногда что-то брякало у него внутри, будто там перекатывались монетки.

– Ну, чего глазами шелкаешь? – Томсон ткнул пальцем в сливочный пудинг и палец этот, внимательно осмотрев, облизал. – Улыбнулся отсюда, тубик!

Официант опять с недоумением брякнул и замигал красной лампочкой.

Конг, доевший свой бутерброд, стряхнул со стола крошки.

– Эй, бормоглоты, вы чего пристали к пареньку? – негромко и отдельно спросил он.

– Ты чего, страшок копченый! – повернулся к нему пузатый Томсон и почему-то нацелился на него каким-то пультом, яростно нажимая кнопку.

– Ищите себе другой алкодром, – вступил Ахилл. – Плинтухайте отсюда.

– Окабанели, корявые, – взвился Джеррисон и схватил со стола автомат. – Коряв еще, орлан, на нас батон крошить! Вот бивень, в натуре!

Ахилл и Конг продолжали сидеть неподвижно и явно не собирались бояться. Гангстеры метались внутри, потом бросились к выходу.

– Давай, давай, – попрощался Ахилл, – в другом месте свой коньяк колдыряйте!

– Пока, зверьки, – задержавшийся Джеррисон погрозил то ли кулаком, то ли зажатым в нем автоматом. – Еще встретимся!

– Встретимся, не сомневаюсь.

Официант-столбик стоял, недоуменно жужжа, потом выкатился на улицу и с нелепой, безнадежно медленной скоростью покатился за убегающими.

– Забавные мутанты, – заметила Диана. Она доела мороженое и метко бросила палочку в опрокинутую урну.

– Я их видел, – сказал Ахилл. – Отсюда они, с Васильевского, колдыри местные. – Что-то они кислые какие-то сегодня, странные.

Профессор Кент шел по улицам Университетского городка. Вот так он решил добраться до банка, невероятным, эксцентрическим даже способом. Просто пешком. Мимо невысоких домов, стоящих посреди небольших скверов и зеленых дворов – сейчас их называли «патио».

Новые недавно появившиеся университетские здания были сложены будто бы из кирпича и даже с имитацией окон, стилизованы под старинные петербургские особняки. Копировали их с большим или меньшим успехом. На самом деле, конечно, – из современного прозрачного изнутри стройпластика. Вдалеке над крышами был виден вызывающий такое недовольство общественности новый собор, стеклянный прямоугольник – этот был будто стилизован под старинный небоскреб. Платон еще помнил, успел увидеть на этом месте ветхие василеостровские дома – бывшие коммуналки, трамвайные рельсы, а вот именно здесь – остатки какого-то завода, коробки со сводчатыми окнами, с трехсотлетней почти копотью на бурых кирпичах.

На улицах было пусто, будто этот мир еще не был переполнен, и Землю во всех концах не дразнили «муравейником». Так почему-то во все времена было в Петербурге – стоит отойти в сторону от главной магистрали, и ты оказываешься один.

На перекрестке, на параллельной улице, видимо, в качестве исключения мелькнули двое прохожих: один – высокий и толстый, другой – маленький и худой. Толстый, кажется, тащил что-то вроде чемодана.

Легкие тени от флаеров и тех, кто путешествовал по небу с гравитаторами, шевелились здесь, на пустом тротуаре. Многие свободно парили в воздухе, под ветром, уносящим их от залива. Платон заметил две темные точки, отделившиеся от какого-то флаера и падавшие

вниз. Вторая точка обогнала первую – видимо, была тяжелее. Наблюдение, которое много лет назад могло бы заинтересовать какого-нибудь Ньютона. Профессор удивился мимолетному зрелищу и тут же забыл об этом – о чем-то задумался.

Он нес портфель из самой натуральной, кажется, свиной кожи, подаренный ему на первый настоящий юбилей – на тридцать лет. В расчете именно на этот вот торжественный день. С табличкой: «Кенту Платону Сократовичу. Будущему потомственному декану Археологического факультета СПбУ, а так же будущему великому первооткрывателю».

Пресловутое завещание лорда Чарльза Кента неизбежно должно было оказаться ерундовой. И разгадка давней интриги, конечно, окажется будничной, может быть даже, ничтожной. По всем правилам этой вот будничной жизни.

Платону совсем не верилось, что в его жизни может что-то так измениться. Он не ощущал этого.

«Изменится течение жизни, – Слова эти сейчас, вблизи, почему-то казались странными. Только сейчас в голову пришло, что у слов, оказывается, когда-то были авторы. И одному показалось, что жизнь похожа на реку. – Повернуть течение жизни. Пустить по другому руслу».

Знаменитый лорд Чарльз когда-то, как многие иностранцы в то время, приехал поработать, по контракту, на несколько лет, в институт Этнографии, по-петербургски Кунсткамеру. Со временем был назначен ее ректором, а потом – деканом нового университетского факультета, Археологического. Так и задержался в России до самой своей кончины. После него на факультете служили множество предков Платона Сократовича: отец и дед, бабушки, тети и дяди, многие и возглавляли его. И для всех этот вот будущий, а теперь внезапно наступивший день был главным. С самого рождения Платон слышал так много предположений, догадок, столько всего разного, часто противоречивого про великий день.

Именно этот, когда по обычному тротуару, обычными шагами он идет в давно знакомый банк за какими-то старыми бумагами, в которых написано о каких-то фантастических сокровищах, сказочных знаниях, обещанных предком. Он вдруг подумал – это странно, что идет именно он – ведь в его жизни ничего необычного никогда не было, и он ничего необычного никогда не делал.

Вот она и показалась за поворотом, стеклянная призма банка. Рядом с похожим на средневековый замок богословским факультетом. «Royal Bank of England».

За чугунной оградой – безусловно ровные газоны, покрытые безусловно ровной травой, которую будто бы надо стричь триста лет, маленький фонтан с золоченой статуей Меркурия. Вход у подножия стеклянной стены стилизован под античный портик – металлокерамические колонны, псевдогранитный фриз.

«Ассоциативная интерпретация античности», – мелькнуло в голове.

Он оказался в невероятно высоком, уходящем в небеса, холле здания. Платон бывал здесь много раз, но все не мог привыкнуть ко всему этому.

Все здесь, внутри банка, было суперсовременно и безусловно. Создано словно из несуществующих пока материалов. Он будто перенесся на век вперед. В век двадцать третий.

Внушающие ужас лифты, круглые платформы без стен, огороженные только силовыми полями, с неуловимой для человека скоростью взлетали куда-то в банковские, высоты.

Обдавая выдавленным воздухом, бесшумно обрушивались прямо между бесстрастно снующими людьми, безошибочно выбирая свободное место. Воображение почему-то отказывалось верить в эту безошибочность. Он всегда думал о том, что может произойти в таком лифте с каким-нибудь больным: с сердечником или, хуже того, страдающим расстройством желудка. Но такие, видимо, не подразумевались, таких здесь быть не могло. Деловито мелькали только почти одинаковые, похожие на андроидов, клерки среди путаницы самодвижущихся дорожек-эскалаторов на полу, непонятно куда ведущих.

Все блестело, как будто нарочно, вызываяще, чтобы была заметна полная невозможность пыли, упаси бог, грязи. Каждый мог видеть, что здесь нет ни пылинки, ни, наверное, даже микроба.

Несовершенны здесь были только растерянные, дряблые, нестерильные клиенты. Каждому такому было понятно, что здесь не может быть случайностей, а тем более, странно подумывать, обмана. Наверное, в этих стенах ни разу и не произнесли этого слова.

К счастью, подниматься на таком лифте не приходилось ни разу. Дождавшись паузы в движении платформ, Платон перебежал зал и мышью нырнул в привычную боковую дверь.

Оказывается, его ждали. В зале стояли несколько человек, что-то вроде делегации. Впереди сама Левкиппа Ефимовна, директор петербургского филиала этого банка. Женщина с очень хорошо сохранившимися следами красоты, совершенно неопределенного возраста: от сорока и много выше. Как всегда в строгом деловом, а сегодня, кажется, еще и праздничном костюме: в желтом коротком жилете и розовых галифе из легкой ткани. Длинные, безукоризненно ухоженные волосы, согласно требованиям моды, лежали на спине директрисы. Как всегда абсолютно безупречная, корректная, неземная. Приветствуя его, она глядела прямо и бесстрастно.

– Приветствуем вас, лорд, – обычным своим сдержанно-доброжелательным тоном заговорила она. – У нас всех сегодня юбилей. Почти праздник.

– Не такой уж праздник, – смущенно возразил Платон. Ни к каким торжествам он готов не был, отвел глаза в сторону, стараясь не смотреть в ее глубокие черные глаза. Может, еще не привык к тому, что он теперь тоже не кто-нибудь, а декан Санкт-Петербургского университета.

– Наши люди пришли утром, включили компьютеры, а все мониторы горят красным светом. От всех компьютеров звон пошел по всему банку. – Левкиппа даже слегка улыбнулась. Платон впервые видел ее улыбающейся. – Я даже испугалась.

«Неужели ты можешь бояться. Интересно, какие мысли могут быть в этой голове, кроме служебных. А чем она способна заниматься после службы?»

– Оказывается, наши компьютеры никогда не забывали об этой дате, отсчитывали дни и вот вспомнили. Триста лет прошло. Ровно триста лет! – продолжила и закончила прекрасная директриса.

После этого его окружили, поздравляли, кто-то специальный из банка на ходу пытался договориться о каких-то публичных торжествах и пресс-конференции.

Цветы и папки с приветственными адресами пришлось оставить в зале. В хранилище его, как всегда, сопровождал клерк стандартной банковской внешности. От андроида он отличался только очками в дорогой оправе.

«Уже не торжественный день – торжественный миг». – Почему-то мысленно после этих слов он как-то не мог поставить восклицательный знак. Открывая дверь большого сейфа, крутил на ней маленький штурвальчик – вот, имел теперь право, но ничего торжественного не чувствовал. Сколько раз он проходил мимо этой двери, не обращая на нее внимания, а его наследство, нашумевшие эти бумаги, оказывается, все время были тут.

Сейфом оказалась эта тесная комнатка с железными стенами. Посреди нее стоял стол с еще одним небольшим сейфом, вроде шкатулки – незакрытой. Внутри лежал обыкновенный старый портсигар. И все!

Платон достал его. Портсигар был ощутимо тяжелым, внутри пустым. Обыкновенное золото!

– И что, ничего больше нет? – нелепо спросил он очкастого андроида, стоявшего у двери.

– Этого я не знаю, – сдержанно ответил тот, посмотрев на профессора с совсем человеческим недоумением. – Мы не брали.

Разочарование оказалось неожиданно глубоким. Обнаружилось, он только внушал себе, что не верит в чудесное наследство, в сокровища древних индейцев. Теперь, когда всего этого окончательно не стало, вдруг выяснилось, что надежда была, такая большая надежда. А сейчас на ее месте – пустота.

«Вот тебе и рукописи, вот тебе и карты!» – Он повертел в руках портсигар, по-прежнему самый обычный. Крышка была инкрустирована мелкими разноцветными камешками. Семь разноцветных дугообразных рядов, как он не сразу понял, изображали радугу.

«А разговоров было. Артефакт, блин! Ну, дедушка! Английский юмор, надо понимать, старый добрый английский юмор: не верьте в чудеса, в подарки ниоткуда... Или просто маразм».

Он сунул портсигар в карман и двинулся к выходу:

«Покойнику, конечно, на свою репутацию плевать, а вот с моей что теперь будет? Теперь еще объясняться из-за тебя, старого придурка, перед всеми набежавшими. Вот вам и пресс-конференция... Извините за доставленные хлопоты, Левкиппа Ефимовна, – готовил он речь. – Что?.. Да так, вещичка для музея курьезов. Давно хочу такой музей на факультете создать. Столько нелепых экспонатов у нас там накопилось».

Гангстеры сидели на лавочке в сквере, напротив стеклянного небоскреба, над его крышей, будто в воздухе, висела непонятная надпись на иностранном языке.

– Хорошая вещь, – все объяснял Джеррисон, обнимая свой ящик. – Недоведенная пока еще только. Ты следи за мужиками, тыкай пультом-то!

– Смотри, а чего на нем эта лампочка моргает? – Толстый Томсон с недоумением глядел на их агрегат.

– Это не лампочка, а светодиод.

Тоненько зажужжал зуммер, за ним внутри агрегата задребезжал жестяной звонок от древнего будильника, прерывисто замигала еще одна красная лампочка.

– Вон он! – закричал Джеррисон, указывая стволом автомата на какого-то высокого человека с портфелем, появившегося на ступенях банковского портика.

Гангстеры побежали к нему напрямик, через газоны. Джеррисон что-то закричал и в восторге выпустил в небо длинную очередь. Сразу опустела улица и небо над ней. Прохожие и флаеры исчезли мгновенно. Многие, наверное, до сих пор не знали, какая скорость заложена в их аппараты.

Выйдя из банка, Платон увидел каких-то двух чудаков, бегущих в его сторону, большого и маленького. Большой, как пистолетом, размахивал детским пультом, а маленький – неуклюжим гангстерским автоматом. И вдруг, заорав, выстрелил куда-то очередью.

И вот оказалось, что стреляют в него. Настоящая пуля, самая подлинная, ударила в металлокерамику рядом с ним. Внезапно он понял, что сидит за колонной. Пули, как горох, скакали по ступеням. Платон вжался в щель между этой колонной и стеной.

Гигантское стекло рядом осыпалось дождем осколков, неприлично обнажив внутренность банка. Внутри метались потерявшие бесстрастность сотрудники. Пули летели между ними, разлетались компьютеры. Женский визг заглушил грохот автомата. Двое скакали вниз, маленький все стрелял, посылая внутрь банка бесконечную очередь. Вверху, в открытом окне, мелькнуло лицо Левкиппы.

Потом вроде бы раздался еще один звук. Знакомый уже рев. Во двор банка влетела девушка на байке. Длинные огненные волосы метались у нее за спиной. Байк завилял, разгоняя гангстеров. Те бросились в разные стороны.

Мотоцикл подъехал вплотную к мраморной лестнице. Уже сбегаящий по ступеням Платон замер, увидев, как бандит направил на девушку автомат.

– Ну что же вы? – крикнула та. – Садитесь!

«Как ее зовут?.. Диана, да».

Мотоцикл как будто рванулся из-под него. Он ощутил локтями тонкую и крепкую девичью талию. Они уже мчались по опустевшим улицам. Волосы девушки били по его лицу.

– Ничего не понимаю, – заговорил, а точнее даже, закричал Платон. – Какие-то сумасшедшие.

Непонятно, расслышала ли его Диана.

– Да держитесь вы крепче! – крикнула она.

Вслед опять стреляли. Вдоль улицы зазвенели и посыпались стекла. Байк свернул, один, потом второй раз, промчался сквозь проходной двор и выскочил на другую улицу. Уже затормаживая, проехал мимо робота-официанта. Весело раскрашенный столбик в черных дырах от пуль лежал на тротуаре. Потускневшее лицо-монитор с застывшей улыбкой глядело в небо.

Несмотря на то, что неслись они как будто на предельной скорости, оказывается, отъехали недалеко. Байк затормозил возле открытого кафе. Из-за его ограды высунулись две головы: одна – обычная, человеческая, другая – какая-то невероятная, похожая на большой каменный шар с глазами и хоботом.

Не остыв от изумления, Платон пропустил спасительницу вперед. Она была несколько не испугана и не расстроена, даже, вроде бы, радовалась чему-то.

– Неимоверное хулиганство, – заговорил он, входя под навес. – Невероятное. Напились, наверно.

– Что сейчас было! – перебила его Диана. – Стрельба! Настоящая, из автоматов. На Платона Сократовича напали.

– А я вас знаю, – произнес гуманоид с хоботом. – Вы декан археологического фака.

Сразу было заметно, что русским языком он овладевал в студенческих общагах.

– А я абитуриент местный, – продолжал гуманоид, вежливо свернув свой хоботок. – Хочу к вам на археологический. А вы тоже будете экзамены принимать?

– Я видел, эти двое за нами побежали, – не стал отвлекаться Платон. – Хотел бы я знать, что все это значит. Самый опасный противник – тот, о котором ничего не знаешь.

– Хорошо, что все закончилось, – воскликнула Диана.

– А я носом чувствую, что не закончилось, – негромко произнес Конг.

– А это Ахилл, – как будто представила того Диана. – Он с физкультурного факультета, аспирант.

Платон кивнул, уже в который раз сегодня он достал и разочарованно повертел новообретенный портсигар. Опять блеснуло золото. Открыв крышку, он в первый раз заметил, обратил внимание на какие-то царапины внутри, на полированном металле. Почему-то они показались странными, будто чем-то знакомыми. Неожиданно понял, что это буквы, довольно немаленький убористый текст. Платон задумался о чем-то, остановившимся взглядом, будто в книгу, глядя в портсигар:

– Ну, извини, дед, – пробормотал он что-то непонятное. Никто не обратил на все это внимания.

Внезапно что-то загрохотало – это, опрокидывая все на своем пути, сюда ворвался тот самый гангстер с автоматом.

– Ну что, чумидоны! – заорал он и оглушительно выстрелил вверх в маркизу. В красной ткани появилось несколько дырок. В двери на кухню появились испуганные лица. – В моем верном старом «Томми» еще хватит патронов на вас, бандерлогов.

– Обсосы гонимые! – добавил, появившийся за ним Томсон.

– Закочумались? – орал Джеррисон. – Ща сплющу всех!

Конг встал и легко, будто картонный, поднял стол за одну ножку, в сторону полетели тарелки и стаканы. Метнул стол через все пространство кафе. Гангстеров унесло к другой

стене. Подскачивший Ахилл ударил маленького кулаком сверху, а большого уложил апперкотом в челюсть. Мелькнули каучуковые подошвы.

Все закончилось почти сразу, едва начавшись. Конг стоял, сжимая свои псевдокулаки и оглядываясь вокруг. Кажется, он жалел, что драка уже завершена, и ничего больше нельзя сокрушить. Гангстеры теперь рядком лежали на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.